

ВЫХОДИТЬ

два раза въ недѣлю: по Средамъ и Субботамъ. Подписка принимается: Въ Тифлисѣ: въ редакціи газеты и въ Губернской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петер. Почтамта и, у книгопродавцевъ: Крашенинникова и Юнгмейстера. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта и въ книжн. магазинѣ Готье.

КАВКАЗЪ.

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. с.
Полугодовое . . . 5 » x
Для Тифлисскихъ жителей, на три мѣсяца . . . 3 »

ОБЪЯВЛЕНІЯ
Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 копейки серебромъ со всѣхъ объявленій, безъ всякаго исключенія.

СОДЕРЖАНІЕ: Высочайшія повелѣнія.—Тифлисѣ.—Переселеніе двухъ тысячъ Армянъ изъ Эрванской области, въ 1804-мъ году.—Райма.—Объявленія.—Пріѣхавшіе и выѣхавшіе.—Метеорологическія наблюденія.

КАЛЕНДАРЬ: 4-го С. М. Героевъ, М. Домны и Павла. — 5-го, С. Петра, Алексія, Іоны, П. Григорія, Ханз. Гр. ц.—6-го, С. Апостола Фомы Близнаца.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

САКТПЕТЕРБУРГЪ.

Высочайшими Приказами по Военному вѣдомству Сентября 10-го дня 1850 года. Производятся за отличие въ дѣлахъ противъ Горцевъ *По Кавалеріи*. Командиръ 1-го Сувиженскаго Ливійскаго Казачьяго полка и Начальникъ Верхне-Сувиженской линіи, состоящій по Кавалеріи Полковникъ *Слѣпцовъ*, въ Генералъ-Маіоры, съ оставленіемъ Начальникомъ Верхне-Сувиженской линіи и по Кавалеріи. — Переводятся въ 6-е резервные батальоны, полковъ: *По Пѣхотѣ*. 6-хъ Резервныхъ батальоновъ, полковъ: Тенгивскаго Пѣхотнаго, Подпоручикъ *Шенфъ*, — Ставропольскаго Егерскаго. Егерскихъ: Ставропольскаго, Поручикъ *Нетиксъ*, — Кубанскаго Егерскаго. Кубанскаго, Поручикъ *Ювичъ 2-й*, — Навагинскаго Пѣхотнаго.

Государь Императоръ, по представленію Г. Намѣстника Кавказскаго и по положенію Кав-

РАЙМА.

НОГАЙСКАЯ БЫЛЬ.

Не смотри на лице негодяя:

Не будетъ дружба, не будетъ и блага.
Магометъ-Бакши.

Нурушъ-Аджи до тѣхъ поръ жилъ въ довольствіи и въ уваженіи и любви правовѣрныхъ, пока не умерла розовцвѣтная дочь его Райма.

И какъ было не жить Нурушу-Аджи? Многочисленные стада его паслись на лучшей аульной землѣ; прекрасные косяки присматривались вѣрными табунщиками; поля обрабатывались у него услужливыми, но бѣдными сосѣдями безвозмездно, или за самую умѣренную плату; что же касается до кибитокъ и сакли, въ которыхъ помѣщался Нурушъ-Аджи, то внутри ихъ соблюдалась примѣрная чистота и необыкновенный порядокъ, чему всегда удивлялись пріѣзжіе кунаки и завидовали двѣ трети жилищныхъ обитателей обширнаго аула. И чего не доставало честному и набожному Нурушу-Аджи? Чама его, въ молодости своей онъ путешествовалъ въ Меку, была всегда бѣдѣ сѣбѣ, при томъ повзана такъ заботливо, такъ искусно, пѣжною ручкою любимой дочери, что многие по неволѣ заматривались иногда, не на полное и свѣжее лице Нуруша-Аджи, а на эмблему восточнаго богомольства, украшавшую его благовидное чело. Нужны ли деньги Нурушу-Аджи? Стоило только приказать, не трогаясь съ мѣста, — и пѣсколько тяжеловѣсныхъ сундуковъ готовы были открыться по первой его волѣ. Разношерстныхъ и мягкихъ турецкихъ и персидскихъ ковровъ, серебряныхъ рукавицковъ, европейскихъ зеркалъ оправленныхъ въ золото и узорчатую рѣзьбу

казскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: правило, изложенное въ ст. 385-й т. XIII. Св. Уст. о Общ. Призр. (изд. 1842 г.), коимъ воспрещается Приказамъ Общественнаго Призрѣнія принимать крѣпостныхъ людей Магометанскаго исповѣданія въ залогъ при выдачѣ ссудъ, на Закавказскій край не распространять, и затѣмъ дозволить Закавказскому Приказу Общественнаго Призрѣнія производить ссуды подъ залогъ какъ Магометанъ такъ и Евреевъ, принадлежащихъ Грузинскимъ помѣщикамъ на крѣпостномъ правѣ.

— По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, предложенному Г. Министромъ Юстиціи Правительствующему Сенату, отъ 20 Іюня 1849 г. за № 12,854, дозволено производить изъ Закавказскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, ссуды подъ залогъ безпорныхъ дворянскихъ имѣній въ Кутаисской губерніи, на тѣхъ же основаніяхъ и по тѣмъ же правиламъ объ оцѣнкѣ, какъ въ Грузіи. Нынѣ Г. Генералъ-Адъютантъ Князь Чернышевъ, отъ 29-го Іюля сего года, сообщилъ Г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что Государь Императоръ въ дополненіе къ этому,

согласно представленію Г. Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: вмѣсто опредѣленныхъ п. 71 прилож. къ ст. 2-й т. XIII. Св. Учрежд. и Уст. Общ. Призр. изд. 1842 г. (по прод. XI), для оцѣнки въ Грузіи, при залогѣ дворянскихъ имѣній по ссудамъ въ Закавказскомъ Приказѣ, 9-ти разрядовъ — установить для оцѣнки такихъ имѣній въ Кутаисской губерніи, только шесть разрядовъ, отъ пятидесяти до трехъ сотъ рублей серебромъ, съ соблюденіемъ правилъ, въ означенномъ выше пунктѣ изложенныхъ.

— По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, объявленному Г. Генералъ-Адъютантомъ Княземъ Чернышевымъ Г. Министру Юстиціи, въ отношеніи отъ 9-го Іюня 1849 года за № 731-мъ и предложенному Г. Статсъ-Секретаремъ Графомъ Панинымъ 20-го того же Іюня Правительствующему Сенату, постановленное въ § 60 Высочайше утвержденного 10-го Мая 1848 года положенія о Закавказскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія (п. 60 прил. къ ст. 2 т. 13 Св. Учр. Уст. о Общ. Призр. изд. 1842 г., по продолж. 11), правило по ко-

изъ кара-агачъ (1), черкесскихъ князювъ въ серебрѣ, пистолетовъ, ружей, русскихъ дорожныхъ часовъ и прочаго добра у Нуруша-Аджи было втрое больше, нежели сколько требовалось богатому и щедрому Ногаю. Кромѣ розовцвѣтной Раймы, честный Нурушъ-Аджи имѣлъ сына, прекраснаго османскаго-весеняго Иса, персиковый подбородокъ котораго не нуждался еще въ помощи необходимаго всякому взрослому кельпетемъ (2). Ни утро, ни полдень, ни вечеръ не проходили у Нуруша-Аджи безъ того, чтобы въ кибиткахъ и саклѣ его не толпились гости, а въ огромныхъ котлахъ ежеминутно не варились бы любимыя кушанія. Въ свѣтлые дни Рамазана пиршество прекращалось днемъ; но за то послѣ захожденія солнца, давало полное раздолье желудкамъ правовѣрныхъ, которые могли приходиться въ богатая кибитки и саклю Нуруша-Аджи по собственному желанію, во всякое время.

Нурушъ-Аджи до тѣхъ поръ жилъ въ довольствіи и безопасности, въ уваженіи и любви правовѣрныхъ, пока не умерла розовцвѣтная дочь его Райма.

I.

Рамазанъ приближался къ концу; правовѣрные готовились встрѣтить весело Байрамъ — дѣвушки замыслили шить себѣ цвѣтные наряды, а молодые мужчины заботились о быстротныхъ коняхъ для скачки, и промышляли себѣ малютотъ (3) для стрѣльбы; лишь пожилымъ не было заботъ свойственныхъ кичуей молодежи. Между тѣмъ, бѣдная, несоотвѣстная молодость, въ извѣстное время, распѣвала свое: «Магометъ умедине я шахри Рамазанъ и пр., — и ей давали за то

секъ (4), май (5), суръ (6), арьявъ, кымызъ, этмекъ (7), унъ (8) и немногіе — таукъ и шебешъ; Нурушъ-Аджи развязалъ свой подновѣсный кисеть — и мольбы теплою благодарности понеслись за него въ рай всевѣдущаго Аллаха. Однажды, послѣ вечернаго намаза, онъ спокойно спѣлъ у порога своей кибитки, на пуховомъ цвѣтномъ коврѣ, окруженный множествомъ своихъ короткихъ знакомыхъ. Тихо и согласно текла рѣчь стариковъ о всякой всячинѣ; но не такъ тихо и согласно текла вольная и шумная бесѣда подругъ собравшихся въ красивую кибитку Раймы, гдѣ все заботливо суеилось, смѣялось, примѣривало только что дошитые шелковые уборы рѣзвой хозяйки и задушевной подруги ея Тотайбекъ. Другъ веселый смѣхъ и простодушная безпечность дѣвушекъ прерваны были чистымъ, звучнымъ, могучимъ голосомъ мужчины, который не ткнулъ, не рвалъ терпѣливаго слуха дикими, нестройными звуками, подобно пѣвцамъ кибиточнаго міра, — но пѣлъ пѣжно, очаровательно, пѣлъ внѣ кибитки.

— Кто бы это былъ изъ нашихъ? — вскричали всѣ дѣвушки въ одинъ голосъ, забывъ про свои наряды, — бросились смотрѣть на незнакомца въ отверстія кибитки.

(4) Особеннымъ образомъ приготовленная крупа изъ проса, употребляемая туземцами и въ сухомъ и въ вареномъ на молкѣ состояніи, или съ примѣсью не большаго количества меда, какъ лакомство.

(5) Масло коровье.

(6) Пресное молоко.

(7) Кислое на вкусъ питье, изъ коровьяго молока, иногда приготовляемое по-поламъ съ водою.

(8) Мука.

(1) Черное дерево.

(2) Щипочки для выдергиванія волосъ.

(3) Буквально значить ружейное зелье, т. е. порохъ.

тому дозволяется принимать въ залогъ по ссудамъ изъ этого Приказа каменные зданія въ Тифлисъ, распространено на подобныя имуществва во всѣхъ прочихъ губернскихъ городахъ Закавказскаго края. Нынѣ Г. Генералъ-Адъютантъ Князь Чернышевъ отъ 29-го Юля сего года сообщилъ Г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что Государь Императоръ, въ дополненіе къ этому, согласно представленію Намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: для оцѣнки каменныхъ строеній въ губернскихъ городахъ Закавказскаго края: Шемахѣ, Кутаисѣ, Эривани и Дербентѣ, представляемыхъ въ залогъ по ссудамъ изъ Закавказскаго Приказа, поставить слѣдующія правила: 1) Желающей заложить въ Закавказскій Приказъ Общественнаго Прізрѣнія домъ и другаго рода каменные зданія обращается съ просьбою о томъ въ мѣстную градскую полицію. 2) Градская полиція отрываетъ двухъ присяжныхъ оцѣнщиковъ, которые, при бытности губернскаго архитектора и одного изъ городскихъ Депутатовъ, должны составить опись и оцѣнку зданій, на основаніи ст. 3,820, 3,828, 3,829, 3,833 и 3,834 т. X. Св. Зак. Гражд. изд. 1842 г., не только по несгораемымъ матеріаламъ, но и по доходу, поступившему съ оного въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ. 3) Оцѣнка сія должна быть засвидѣтельствована въ правильности полицію, совмѣстно съ другимъ городскимъ депутатомъ, не участвовавшимъ въ оцѣнкѣ. 4) Сверхъ сего для повѣрки правильности оцѣнки отрывается, по усмотрѣнію Военнаго Губернатора, чиновникъ при губернскомъ землемѣрѣ; и 5) Для вѣщаго огражденія отъ неправильной оцѣнки строеній въ означенныхъ городахъ, составленныя на основаніи сихъ правилъ оцѣнки, должны быть еще удостовѣрены въ ихъ правильности и справедливости начальниками губерній.

(Р. П.)

ТИФЛИСЬ.

Общество Тифлискихъ Гражданъ, осчастливленныхъ высокимъ вниманіемъ къ нимъ Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣд-

Тамъ блескъ пылающихъ костровъ свѣтилъ прямо въ лице стройному, высокому незнакомцу, юношѣ, который почтительно стоялъ предъ Нурушомъ-Аджи, приложивъ правую свою руку къ сердцу. Его изорванное и чрезвычайно бѣдное платье, не гармонировало съ прекрасно открытою фizioноміею, цвѣтъ лица подобился пѣвту лица самой молодой и лучшей кызъ⁽⁹⁾; нѣсколько гордая, но чрезвычайно пріятная улыбка, при первомъ взглядѣ говорила въ его пользу. Подошедъ ближе, незнакомецъ привѣтствовалъ все собраніе обычнымъ: «Селамъ алейкумъ!» — и тотчасъ получилъ въ отвѣтъ столько же обычное: «Алейкумъ селамъ!» отъ хозяина, который, изъ любопытства и участія къ жалкому оди́нью пришельца, пригласилъ его присѣсть, и въ тоже время приказалъ подать ему ѣсть.

— Ты откуда? — спросилъ у него Нурушъ-Аджи, послѣ новаго обзора, — я тебя не знаю.

При этомъ вопросѣ, молодой человекъ, казалось, нѣсколько смутился и, вмѣсто отвѣта, глубоко вздохнувъ, быстро опустился на коверъ подлѣ изумленнаго Нуруша-Аджи. Быть можетъ, многимъ изъ нашихъ читателей покажется весьма обыкновеннымъ подобное обращеніе у степныхъ кочующихъ народовъ, о которыхъ мы говоримъ; но надобно замѣтить, что ногайскій этикетъ судилъ о томъ иначе. И теперь еще многіе зажиточные и пожилые, словомъ, почетные Ногайцы, называемые — ахъ-сакаль⁽¹⁰⁾, считаютъ непри-

пика, пожелало раздѣлить свою радость со всѣми страждущими и немощными города Тифлиса. Въ Воскресеніе, 1-го Октября, по отслуженіи въ Ванскомъ Армянскомъ Соборѣ Божественной литургіи Епископомъ Минасомъ, девяносто пяти лѣтнимъ старцемъ, и потомъ молебствія соборно, армянскимъ духовенствомъ, — Священникъ Паткановъ произнесъ трогательную рѣчь, закончивъ ее молитвой о благоденствіи и долготѣи Государя Императора, всего Августѣйшаго Дома и о благополучномъ путешествіи въ вожделенномъ здравіи Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника. Послѣ молебствія духовенство отправилось на монастырскій дворъ, гдѣ Епископъ Минасъ освятилъ столы съ пищею для 500 человекъ бѣдныхъ и нищихъ, собранныхъ къ вратамъ храма усердіемъ и любовію къ Престолу Тифлискихъ Армянъ. Священникъ Паткановъ обратился къ этимъ бѣднымъ публично, объявивъ имъ причину настоящаго торжества и тогда радостные клики, благословляющіе священное имя Государя Наслѣдника, и громкое, продолжительное ура, долго повторялись народомъ. Бѣднымъ и нищимъ разносили вино, хлѣбъ, зелень, мясо и горячія кушанья.

При молебствіи и на этомъ прекрасномъ праздникѣ, присутствовалъ Тифлискій Военный Губернаторъ и другія лица.

— Въ прошлшемъ номерѣ Кавказа (№ 77), мы поименовали Тифлискихъ Гражданъ имѣвшихъ счастье встрѣтять при входѣ въ Арцруневскій караванъ-сарай Государя Наслѣдника, но не поименовали распорядителей праздника, усердію которыхъ принадлежитъ честь прекраснаго выполненія общаго желанія ихъ согражданъ, достойно принять Августѣйшаго посетителя въ караванъ-сараяхъ Полковника Арцруни, Князей Бебутовыхъ и въ Темныхъ Рядахъ. Вотъ имена этихъ распорядителей какъ праздника, такъ и угощенія бѣдныхъ 1-го Октября.

Градской Глава Захарій Гуласповъ. Члены Городоваго Управленія: Отъ Макалаковъ: Исаакъ Тандоевъ и Степанъ Джагатовъ. — Отъ вновь поселившихся гражданъ: Яковъ Дзамоевъ, Лазарь Вартаковъ и Оома Скандаровъ. — Избранные Городовымъ Управленіемъ, Мокалаки: — Соломонъ Абессаломовъ, Юсифъ Миримановъ,

личнымъ, если гость, извѣстный своею бѣдностью и при томъ же моложе лѣтами хозяина и присутствующихъ, усядется рядомъ съ нимъ на его коверъ, или рядомъ съ кѣмъ либо изъ особенно уважаемыхъ имъ гостей, — такое поведеніе считается предосудительнымъ. По обыкновенію, почетнымъ гостямъ принадлежитъ всегда переднее мѣсто въ кибиткѣ или въ саклѣ, которое ближе къ хозяину; прочіе размѣщаются также по порядку, сообразно лѣтамъ, состоянію и своей извѣстности. По этому здѣсь, почти всегда безошибочно можно назвать бѣдника, хотя бы онъ и одѣтъ былъ лучше другихъ. Послѣ обоюдныхъ привѣтствій, состоящихъ изъ «селамъ» и пожиманія, или лучше — изъ *прикладыванія* рукъ, гость можетъ присѣсть, по азиатскому обыкновенію — на карточки; но снять свои туфли и подогнуть подъ себя ноги — право почетнаго или покрайней мѣрѣ сколько нибудь нужнаго и уважаемаго хозяиномъ гостя. У Ногайцевъ есть еще особенный образъ привѣтствій. Это нѣчто въ родѣ нашего *обниманія*, на которое имѣютъ право или очень короткіе знакомые, или родственники и, по большей части — пожилые. Достаточно и того, если старшій желая изъяснить свое расположеніе младшему, подастъ одну руку, которую тотъ пожимаетъ двумя; обѣ же руки подаются равнымъ и какъ сказано выше старшимъ. Встрѣчать гостей не въ обыкновеніи у Ногайцевъ; если хозяинъ приподнялся немножко при ихъ появленіи въ дверяхъ — и довольно. Подобныя правила азиатскаго этикета соблюдаются у Ногайцевъ, однако не такъ строго, какъ у Тухменъ.

— Прежде, когда я былъ богатъ, меня называли Амангазы, — отвѣчалъ незнакомецъ, прихлебнувъ изъ деревяннаго ковша съ казмыскимъ (кирпичнымъ) чаемъ и усиливаясь скрыть непонятное замѣшательство, вызванное вопросомъ Нуруша-Аджи, — а теперь, когда я сталъ бѣденъ, мое имя — Джембулатъ, — оно никому

Оома Придоновъ, Соломонъ Саркисовъ, Иванъ Захарьевичъ Шадиновъ, Назаръ Назарбеговъ, Егоръ Амираговъ, Давидъ Ивановичъ Шадиновъ, Иванъ Кубаловъ, Месропъ Аствацатуровъ, Дурсабъ Кетхурдовъ, Захарій Сараджевъ и Соломонъ Миримановъ, и вновь поселившіеся Гражданинъ Каранетъ Мамиконъ.

Переселеніе двухъ тысячъ Армянъ изъ Эриванской области, въ 1804-мъ году.

Въ началѣ 1804-го года, когда возгорѣлась война между Россіею и Персіею и Главнѣйшій командовавшій въ Грузіи Князь Цициановъ, принималъ походъ противъ Эривани, Мугамельханъ, Правитель Эриванской области, который коварнымъ поведеніемъ своимъ навлекъ на себя негодованіе обѣихъ державъ, приготовляясь къ оборонительному положенію, приказалъ Армянамъ окрестныхъ деревень перейти временно, до окончанія войны, въ Карскій пашалыкъ. Отъ прибѣгнувъ къ этой мѣрѣ не довѣряя христіанскимъ жителямъ управляемой имъ области, въ войнѣ противъ христіанъ. Несчастные Армяне принуждены были бросить свои жилища и все недвижимое имущество, и въ непродолжительное время собраться въ путь. Мугамельханъ поручилъ сихъ переселенцевъ двумъ почетнымъ Армянамъ: Оганесу и Мелику Исааку. Всѣмъ этимъ временнымъ переселенцамъ строго внушено было, чтобы они прямо слѣдовали въ Карскій пашалыкъ и оставались тамъ до совершеннаго прекращенія военныхъ дѣйствій. Имъ обѣщано было полное вознагражденіе за всѣ издержки и убытки, которые они повесутъ въ пути, и строго запрещено входить въ Россійскіе предѣлы и останавливаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по предположеніямъ, могли пройти русскія войски. Мелику Исааку и Оганесу поручено было наблюдать за точнымъ исполненіемъ сихъ приказаній.

Болѣе двухъ тысячъ человекъ обоего пола и всякаго возраста; множество разнаго рода животныхъ, навьюченныхъ всѣмъ, что переселенцы могли взять съ собою, и нужное количество скота для продовольствія, — составляли ка-

неизвѣстно. Я родился близъ Кизляра. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ только я сталъ помнить себя, отецъ мой Айтуганъ былъ очень богатъ: стада своихъ мы не умѣли считать десятками, считали сотнями. Въ просторныхъ кибиткахъ нашихъ знакомые яуры всегда находили пищу и отдыхъ; никогда и никому изъ своихъ мы не осмѣливались сказать: «Пушемъ кельдынъ⁽¹¹⁾?» и не получали отвѣта неудовольствія: «Казыметымъ кельдынъ баръ⁽¹²⁾!» (*) Аллахъ не накажетъ насъ за то, а честные люди не положатъ укора на память моего отца. Разъ я былъ на Терекѣ. Чеченецъ обидѣлъ моего брата — и я напоилъ его волнами шумной рѣки. . . . Но мести и злоба не ждутъ Нурушъ-Аджи: чрезъ двѣ джюмы. . . .

— Селамъ алейкумъ! — громко и важно сказалъ подѣхавшій высокій и статный Тухменъ, ловко соскочивъ съ вороного коня.

— Алейкумъ селамъ! — отвѣчалъ протяжно хозяинъ, и подавъ обѣ руки пріѣзжему, который, послѣ пожатія, тотчасъ усѣлся на поданный коверъ.

— Да, злоба не ждетъ, продолжалъ Джембулатъ, — злые люди хитрѣе стараго шайтана: когда прошли двѣ джюмы, я былъ далеко отъ родины. . . . Не одинъ годъ провелъ я за Терекомъ, но, Аллахъ акберъ! — онъ создалъ темныя ночи, — и я умѣлъ уйти на эту сторону. Нурушъ-Аджи, тебѣ скажутъ каково мстятъ Чеченцы. . . . Знакомые не хотѣли меня узнать, не хотѣли курить со мною трубку дружбы и ѣсть чурекъ прѣжняго знакомства: я потерялъ отца, мать, состояніе. . . . Такъ принялъ меня народъ родного аула, — и Аллахъ танкисенъ! — я простилъ ему. . . .

И слезы покатались у несчастливца.

(11) Зачѣмъ пришельцъ?

(12) Дѣло есть.

(*) Слова много схожія съ татарскими, но сочинитель повѣсти даетъ имъ другое произношеніе, вѣроятно вслѣдствіе знанія Ногайскаго языка. *Пр. Ред.*

(9) Дѣвушка.

(10) *Ахъ-сакаль* — бѣлая борода. По справедливости, этотъ эпитетъ должно было бы придавать преимущественно *бѣлымъ*, т. е. *сыдымъ бородамъ*; но нынѣ почти исключительно такъ называются должностныя лица, занимающія обязанности равныя степени десятника, и находящая въ распоряженіи старшинъ, избираемыхъ для одного или нѣсколькихъ ауловъ; годовы же завѣдываютъ аулами, подвѣдомственными нѣсколькимъ старшинамъ.

равантъ, который 17-го Мая 1804 года выступилъ въ походъ.

Едва переселенцы тронулись съ мѣста, какъ взяли именно то направление, по которому Мугаммедъ-ханъ запретилъ имъ слѣдовать. 24-го они прибыли къ урочищу Абарани, лежащему не въ дальнемъ разстояніи отъ Бомбакской дистанціи. Тутъ они остановились, дабы отдохнуть, и рѣшились вступить въ эту дистанцію, приналежащую Россіи.

28 го караванъ двинулся къ Бомбаку, чрезъ раззоренную деревню Алагани. Между тѣмъ, какъ переселенцы шли, пользуясь прелестною погодою, поднялись густыя тучи, небо покрылось мглою, какъ среди ночи; холодный и порывистый вѣтеръ, разсѣкая облака, вакинулъ ихъ, такъ сказать, на караванъ. Армяне окруженные совершенною темнотою, не могли видѣть другъ друга, подвигались медленно и дрожали отъ холода. Это состояніе атмосферы продолжалось около получаса. Въ полдень надъ головами сихъ несчастныхъ путешественниковъ раздались страшные громовые удары и хлынули на нихъ дождевые потоки. Дождь вскорѣ превратился въ сильный градъ, который ударялъ имъ прямо въ лицо. Люди и скотъ до такой степени поражаемы были градомъ, что не только не могли подвигаться впередъ, но даже несколько отталкиваемы были назадъ. Эта бѣдственная для переселенцевъ погода продолжалась три часа. Казалось, разъяренное небо взволновало противъ нихъ всѣ стихіи. Силы переселенцевъ были совершенно истощены, они окоченѣли отъ стужи, проникнутые дождемъ до костей, не имѣли возможности развести огонь. Мужчины переносили страданія съ удивительною твердостью духа; но не могли безъ сильнаго прискорбія смотрѣть на жалостное положеніе дѣтей и женъ, коихъ нѣжные члены взнемогали отъ трудовъ и столь сильнаго вліянія непогоды. Нѣсколько дѣтей заболѣло отъ стужи и померло чрезъ три или четыре дни, не смотря на всѣ оказанныя имъ вспоможенія.

Сырая и холодная погода продолжалась до вечера 28-го Мая. Однако же, караванъ не захотѣлъ нигдѣ останавливаться, опасаясь безпрестанно какого нибудь внезапнаго нападенія

со стороны Персіянъ. При наступленіи ночи Армяне достигли селенія Алагани; гдѣ однако же не могли найти нужныхъ пособій. Переночевавъ здѣсь, они на другой день утромъ отправились въ Бомбакъ.

Едва прошли они небольшое разстояніе отъ ночлега, какъ были постигнуты коннымъ отрядомъ, посланнымъ за ними Мугаммедъ-ханомъ, дабы заставить ихъ воротиться или слѣдовать въ Карскій пашалыкъ. Главные члены каравана вступили въ переговоры съ начальникомъ конницы, объявили имъ неудовольствіе, которое возбудило въ нихъ поведеніе правителя Эривани; причины заставляющія ихъ предпочтительно обратиться къ Грузіи, и наконецъ, средства, которыя они имѣютъ къ защитѣ. Объясненія эти не имѣли никакого успѣха и обѣ стороны съ ожесточеніемъ вступили въ бой. Сраженіе продолжалось пять часовъ и каравану удалось опрокинуть непріятеля. Переселенцы преслѣдовали обращенныхъ въ бѣгство Персіянъ до мѣста, гдѣ находится развалины древняго города Мармарахена.

Караванъ остался пять дней на развалинахъ Мармарахена. Въ продолженіе сего времени Армяне получили извѣстіе, что русскія войски выступили изъ Тифлиса и прибыли въ Караклисъ. Въ тоже время дошло до Кнзя Циціанова извѣстіе о выступленіи переселенцевъ и обо всемъ, что происходило въ Эривани. Съ нимъ находился Тифлисскій Армянскій Архіепископъ Іоаннъ Гентани Нахатакъ. Начальники каравана писали изъ Мармарахена своему Архіепископу, и изложивъ ему бѣдственное свое положеніе, разстройство, претерпѣнное ненастье, и безпрерывную опасность, въ которой они находились отъ непріятельскихъ нападеній, ублачительно просили его о скорѣйшей помощи. По ходатайству Архіепископа, Кнзь Циціановъ послалъ для защиты переселенцевъ и введенія ихъ въ Бомбакскую дистанцію небольшой конный отрядъ, которому однако же не удалось соединиться съ караваномъ, и Армяне принуждены были вновь собственными силами противудѣйствовать Персіянцамъ.

Переселенцы уже четыре дни стояли лагеремъ въ Мармарахенѣ, когда между ними стали распро-

страняться разныя противурѣчущія слухи. Одни говорили съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, что персидскій Приицъ Аббасъ-Мирза, съ войсками пришелъ къ Эривани, намѣревался послать за ними отрядъ, дабы захватить ихъ со всѣмъ имуществомъ и привести ихъ какъ пленныхъ. Другіе утверждали, что персидскій Шахъ, въ негодованіи на поведеніе хана Эриванскаго, велѣлъ казнить его смертію. Нѣсколько подозрительныхъ людей, которые безпрестанно шатались вокругъ лагеря, и казались тайно подосланными для наблюденія за Армянами, то приглашали ихъ возвратиться въ Эривань, то совѣтовали имъ обратиться къ Карскому пашалыку. Но Карскій Паша, который имѣлъ уже свѣдѣнія о сомнительномъ поведеніи Мухамедъ-хана и о войнѣ згорѣвшей между двумя державами, послалъ погравичнымъ начальникамъ предвѣрительныя приказанія, чтобъ не впускать этихъ переселенцевъ въ землю, находящуюся подъ его управленіемъ. Въ тоже время онъ далъ знать Армянамъ, что при всякомъ другомъ обстоятельстве ему пріятно было бы ихъ принять; но при настоящемъ положеніи дѣлъ онъ можетъ быть имъ болѣе вреднымъ чѣмъ полезнымъ; потому, что если Персія станетъ требовать ихъ назадъ, онъ найдется вынужденнымъ ихъ возвратить.

Получивъ такое объявленіе отъ Карскаго Пашы, и видя опасность, которой они подвергались оставаясь долѣе въ Мармарахенѣ, Армяне тронулись съ мѣста 3-го Іюня и направили путь къ Бомбакской дистанціи, слѣдуя мелкими шагами, держась въ кучкѣ и стараясь не удаляться одинъ отъ другаго. Турецкіе и персидскіе набѣдники, слѣдовали за ними въ небольшомъ разстояніи и искали случая ихъ ограбить. Мѣстные Армяне примѣчали за движеніями этихъ непріязненныхъ партій и давали о томъ знать своимъ путешествующимъ единосѣдкамъ. Прибывши на одну равнину близъ Бомбака, переселенцы увидѣли съ одной стороны отрядъ персидской конницы, а съ другой стороны многочисленную толпу разбойниковъ, которые во всю прыть скакали къ каравану. Все что въ состояніи было носить оружіе, приготовилось къ бою. Вскорѣ завязалось дѣло. Между тѣмъ какъ молодые люди дрались съ отчаянностью,

— Аяймъ! — сказалъ съ участіемъ Нурушъ-Аджи, забывъ, по видимому, прежній неприличный съ собою поступокъ Джембулата; другіе пожалы только своими широкими плечами.

— Тогда мнѣ стало стыдно носить имя Амангазы, потому что я пренебрегъ воздухомъ неблагодарности, и рѣшился искать гостеприимства, въ которомъ, думалъ я, мнѣ не откажутъ, пока будетъ живъ хотя одинъ настоящій Ногай. . .

— И ты не ошибся, — отвѣчалъ торжественно Нурушъ-Аджи, совершенно растроганный и въ тоже время задѣтый за живое послѣдними словами Джембулата, — съ этой минуты я считаю тебя своимъ гостемъ, своимъ сыномъ, братомъ моего Иса, моею Раймой. . . Райма все это видѣла и слышала.

II.

Прошло еще нѣсколько безконечныхъ дней; время какъ бы нехотя близилось къ Байраму. Это было кажется, наканунѣ праздника. Солнце, закатываясь, звало правовѣрныхъ къ молитвѣ, и они, утомленные постомъ, съ нетерпѣніемъ поглядывали на кипящие котлы съ чаемъ и бараниной. Повсюду, въ кибиткахъ, на раскинутыхъ коврахъ и ценовахъ, усердно отщипывались земные поклоны; повсюду слышалось жалобное блѣяніе овецъ и мычаніе многочисленныхъ коровъ, повсюду слышенъ былъ скрипъ аробъ, неумолкаемый лай собакъ, крикъ табунщиковъ и визгъ женщинъ, привязывавшихъ скотъ для собиранія съ него обычной дань—молока. Во многихъ мѣстахъ Ногаи сходились въ тѣсные кружки и разговаривали стоя, или подогнувъ подъ себя ноги. Все это, блѣющий и бѣгающий скотъ, пылающіе костры, арбы, погонщики, собаки, кибитки, необозримая степь, — все представляло живую, пеструю, разнообразную картину быта кочевыхъ народовъ. Я часто живу въ аулахъ, но всегда съ какимъ то непонятнымъ для меня чувствомъ смотрю на полу-

дикую жизнь Ногайца; въ особенности на жизнь, въ полномъ смыслѣ слова, дикого Трухмена; всегда съ новымъ любопытствомъ присматриваюсь къ этимъ степнымъ обычаямъ, къ этимъ правамъ, всегда съ неутомимымъ вниманіемъ прислушиваюсь къ унылымъ напѣвамъ бакши, къ мѣрнымъ звукамъ кобузовъ⁽¹³⁾ и тамаръ⁽¹⁴⁾.

Но вотъ наступилъ мракъ, за мракомъ тишина, за нею благодѣтельный сонъ правовѣрныхъ, утомленныхъ постомъ, хлопотами дня и необходимымъ, но, по всей справедливости—безконечнымъ пресыщеніемъ⁽¹⁵⁾. Порой слышались только ружейные выстрѣлы⁽¹⁶⁾ да, заливной лай неугомонныхъ собакъ, чувствъ приближеніе волка—и послѣ все стихало по прежнему, все снова засыпало. Не спала одна Райма. Утомленная думами, (ужь такъ водится у всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, въ особенности у восточныхъ вѣчно-молчаливыхъ, вѣчно страдающихъ вихомолку, про себя), она поспѣшно набросила на свои кругленькія плечики бѣлую канасевую чадру, обшитую по краямъ золотыми монетами, на босую крошечную ножку надѣла зеленые чарикъ, — и въ глубокой тоскѣ сѣла на порогъ своей кибитки. Розовѣтное лице ея было блѣдно; дли-

⁽¹³⁾ Инструментъ похожій на скрипку, съ двумя волосыными толстыми струнами.

⁽¹⁴⁾ Трухменская — двухъ-струнная баладайка.

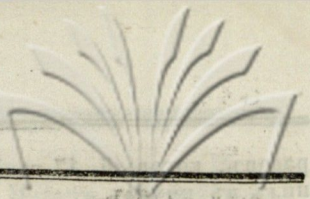
⁽¹⁵⁾ Всѣ Ногайцы строго соблюдаютъ свой постъ днемъ, но зато, послѣ вечерней молитвы, даютъ полную волю своему беспредѣльному аппетиту; многіе принимаютъ за пищу по нѣскольکو разъ, и продолжаютъ это почти во всю ночь. Прежде, мнѣ казалось такое ненасытное объядѣніе не возможнымъ въ Рамазанъ, но теперь, когда я въ томъ убѣдился, мнѣ остается только удивляться — и есть чему!

⁽¹⁶⁾ Вечеромъ и въ ночное время, часто повторяются выстрѣлы въ аулахъ, обилующихъ овцеводствомъ. Ногайцы убѣждены въ томъ, что запахъ пороха есть всегда вѣрное средство предохраненія овецъ отъ ночныхъ посяженій волка.

ныя волны волосъ, падали на полную грудь восточной красавицы. Долго сидѣла она въ раздумьи и плакала, отирая свои слезы то чадрою, то мягкими шелкокудрыми волосами. Въ кибиткѣ, по срединѣ которой въ вогнутомъ въ землю желѣзномъ каганцѣ догорало масло, было полумрачно и тихо, только въ одной сторонѣ, гдѣ находилась кровать, прихотливо убранныя бѣлыми занавѣсками и кружевомъ, едва слышалось легкое дыханіе сонной Тотайбекъ, молодой и прекрасной кызы, пользовавшейся полною довѣренностью Раймы. Обстоятельства крѣпко сдружили ихъ; Тотайбекъ еще въ младенствѣ сироткою вступила въ кибитку Нуруша-Аджи, и съ тѣхъ самыхъ поръ всѣ привыкли называть двухъ неразлучныхъ дѣвушекъ сестрами. Тотайбекъ, сверхъ горчей привязанности къ подругѣ, отличалась дѣтскимъ почтеніемъ къ своему благодѣтелю и невинною привязанностью къ юному Иса, отвѣчавшему ей самою нѣжною взаимностью. Добрый Нурушъ-Аджи не могъ не видѣть этого, и втайнѣ далъ себѣ слово соединить скромную, любящую чету узами обычнаго обряда. Такъ текло время, когда вдругъ неожиданно появился красивый Джембулатъ, другой бѣдный сирота, и почти шутя, въ душѣ Нуруша-Аджи поселилось другое столько же человѣколюбивое намѣреніе; но всему этому было не суждено сбыться⁽¹⁷⁾.

(До слѣдующаго №),

⁽¹⁷⁾ Здѣсь, мы считаемъ необходимымъ сказать во 1-хъ то, что подобныя характеры весьма рѣдки даже и не у Ногайцевъ; во 2-хъ, что наша Райма — не повѣсть, выдуманная на досугѣ, но *быль*, рассказанная намъ дѣть девять тому назадъ однимъ почтеннымъ старикомъ-туземцемъ. Впрочемъ, какъ и разумеется, мы не можемъ ручаться за истину событія, полагаемъ достаточнымъ отвѣчать за достовѣрность самаго разказа. Въ заключеніе, добавимъ, что не настояло никакой надобности нашему рассказчику выдавать *не быль* за несомнѣнную истину.

старика заряжали ружья, женщины, иныя рыдали, другія же поощрили мужей присутствіемъ своимъ и увѣщаніями. Весь караванъ былъ въ движеніи, Армяне нѣсколько разъ съ ожесточеніемъ врывались въ непріятельскія толпы; имъ удалось убить начальника персидскаго отряда: враги обратились въ бѣгство, оставя на мѣстѣ нѣсколько раненыхъ и убитыхъ, разрошенныя оружія и небольшую добычу, которую караванъ потомъ собралъ. Переселенцы провели ночь спокойно. На другой день, 4-го Іюня, тронулись съ мѣста и съ разсвѣтомъ достигли границы Бомбакской дистанціи.

6-го Іюня начальники каравана, Меликъ Исаакъ и Оганестъ, отправились въ Каракиль, гдѣ находились еще русскія войски, назначенныя въ походъ противъ Персін. Они явились къ Князю Циціянову и къ Армянскому Архіепископу. Сей послѣдній пригласилъ переселенцевъ остаться въ Бомбакской провинціи до дальнѣйшихъ объ нихъ распоряженій.

8-го Іюня русскія войски двинулись въ походъ противъ Эривани, а караванъ остался въ Бомбакской дистанціи. Черезъ нѣсколько дней страна эта покрылась мародерами и разбойниками, которые толпами нападали на жителей, грабили ихъ, дѣлали большія опустошенія и затрудняли сообщенія съ русскими войсками. Они дѣлали набѣги по всему краю и нѣкоторые изъ нихъ доходили даже до окрестностей Тифлиса. Одна изъ этихъ шаекъ начала разъ на Арманъ, и во время битвы похитила у нихъ часть ихъ имущества.

18-го Іюня караванъ отошелъ на гору Вартапуръ, недалеко отъ Лори лежащую, и послалъ людей узнать, что происходило въ окрестностяхъ. Переселенцы оставались три дни на вершинѣ сей горы. Мѣсто это очаровательно; одно его названіе, которое значить *розовый холмъ* (*), даетъ объ немъ выгодное понятіе. Чистый воздухъ, наполненный пріятнѣйшимъ запахомъ, освѣжаетъ чувства и даетъ имъ новую жизнь. 20-го Іюня караванъ слышалъ въ дали, со стороны юга, безпрестанно повторяющійся рокотъ, который казался происходилъ отъ громовыхъ ударовъ. Черезъ три дня узнали, что причиною рокота было сраженіе происходившее подъ Эриванью, между русскими и персидскими войсками, подъ предводительствомъ Князя Циціянова и Аббасъ Мирзы. Вартапуръ отстоитъ отъ Эривани на 159 верстъ. (!)

21-го Іюня караванъ сошелъ съ горы и расположился лагеремъ на равнинѣ, лежащей отсюда на сѣверо-западъ. Тутъ переселенцы оставались на педѣлю, дабы отдохнуть и достать предметы нужные для находившихся у нихъ больныхъ. Здѣсь они узнали, что новыя партіи персидской конницы, вошедъ въ русскіе предѣлы, стараются возмутить жителей. Нѣсколько дней послѣ они получили извѣстіе, что племена Казахскихъ и Борчалинскихъ Татаръ оказываютъ непокорность Россіи, и соединившись съ персидскими отрядами дѣйствуютъ совокупными силами, препятствуя всякому сообщенію съ войсками, находящимися подъ начальствомъ Князя Циціянова. Одинъ изъ начальниковъ сихъ бунтующихъ племенъ, по имени Наги, сдѣлалъ много вреда Русскимъ и христіанамъ живущимъ въ сихъ дистанціяхъ. Эти необузданныя шайки, перебѣгая съ одного

мѣста на другое, грабили все что находили у поселянъ.

29-го Іюня караванъ оставивъ послѣднюю свою позицію, сталъ лагеремъ у деревни Узунларъ, гдѣ оставался до наступленія жатвы. Дабы обезопасить себя отъ непріятеля, переселенцы расположились подлѣ находившейся тутъ крѣпости и разставили по извѣстнымъ разстояніямъ пикеты и караулы.

1-го Августа, предъ восхожденіемъ солнца, начала на караванъ толпа бунтующихъ Казахцевъ и Борчалинцевъ, соединившихся съ персидцами; но увидѣвъ издали нѣсколько поселянъ, которые шли къ Армянамъ, малодушные грабители разбѣжались и увлекли съ собою нѣсколько вьючнаго скота и коровъ.

На другой день, 2-го Августа, караванъ выступилъ изъ деревни Узунларъ къ Санагинскому монастырю. Сначала переселенцы спустились въ глубокую долину, которую правильнѣе можно назвать пропастью. Черезъ ее шла ближайшая дорога къ берегу рѣчки Лори. Непріятель, узнавши о направленіи взятомъ Армянами, дѣлалъ противъ нихъ всевозможныя покушенія, при выходѣ ихъ изъ этой теснины. Старались завалить имъ дорогу грудами камней, скаченокъ съ вершинъ, стрѣляли и кидали на нихъ камнями; но все усилія остались тщетными. Армяне тогда взяли другое направленіе, оставили дорогу къ Санагину и двинулись къ Агнатскому монастырю, находящемуся отъ перваго не болѣе какъ на часъ ходьбы. Держась береговъ рѣчки Лори и слѣдуя почти подлѣ стѣнами Ахнатскаго укрѣпленія, они достигли онаго въ скорости и благополучно.

(Окончаніе, въ слѣд. №)

ОПЕЧАТКА. № 77 Кавказа, на стр. 309, въ первомъ столбцѣ, на 6 строкѣ сверху, слѣдуетъ читать не: Григорія, но Гавріила Авелова Шадинова.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Французскій модный магазинъ ФАГЕ

имѣетъ честь извѣстить почтеннѣйшую Тифлисскую публику, что въ ономъ оолучены изъ за границы новыя товары, какъ-то: перчатки, духи, принадлежности письма и рисованія, бронза, дамскіе золотые часы съ цѣпочками, галантерейныя вещи изъ золота и серебра, сережки, бвоншки, браслеты и завыя украшенія. Кроме того, платья мужскія и дамскія наряды, разное бѣлье, ассортименты фланели, мантилій, платковъ батистовыхъ, платочковъ, фуларовъ и разныхъ другихъ вещей.

Текже большой запасъ консервовъ, винъ, ликеровъ, трюфель, горчицы, прованскаго масла, укусу, сигары, папирсы, и курительный табакъ по рублю за фунтъ.

Въ магазинѣ модъ приготавлиють: шляпки, чепчики и наколки новѣйшихъ фасоновъ.

Въ парикмахерской: парики, накладки, локонны, усы и стрижка волосъ артистомъ изъ Парижа.

Въ домѣ гражданина Теръ-Грекурова, близъ казармъ военно-рабочихъ ротъ, за выѣздомъ въ Россію, продаются экипажи, упряжные и верховыя лошади, мебель, рояль-Вирта и другія вещи.

Желающіе купить что либо изъ вещей этихъ, могутъ обратиться въ домъ помянутаго гражданина.

ПРІѢХАВШЕ и ВЫѢХАВШЕ.

ПРІѢХАЛИ: 1-го Октября: изъ Ставрополя, Дѣйств. Студентъ *Грисенко*; изъ Москвы, окончившій курсъ наукъ въ тамошней Духовной Академіи *Бакрадзе*. 2-го, изъ Шемахи, Шт.-Кап. *Быковъ*. 3-го, изъ Харьковской губернии, Корнетъ *Ахмедъ Ахилдзъ Хабеновъ*.

ВЫѢХАЛИ: 2-го Октября: до селенія Сурама, Кол. Секр. *Исарловъ*.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ВЪ ТИФЛИСѢ, 1850 ГОДА.

Часы набл.	Термометръ Р°.		Сыръсть воздуха	Барометръ при 13 1/2° Р. Русск. полушн.	Направленіе вѣтра.	Состояніе неба.	Наимень- шая Темпер. Рео.
	Сухой.	Смоч.					
29-го Сентября.							
7 утра.	+ 9,0	+ 8,0	0,86	572,98	Тихо.	Пасмурно.	+8,7
12 полд.	+11,0	+ 9,0	0,74	573,26	Ю. оч. сл.	Пасмурно.	
4попол.	+10,8	+ 8,6	0,71	572,78	Ю. сл.	---	
9 веч.	+ 9,8	+ 8,2	0,78	572,99	---	---	
30-го Сентября.							
7 утра.	+ 9,4	+ 8,2	0,83	573,01	Ю. З. сл.	Пасмурно.	+ 9,3
12 полд.	+11,7	+ 9,4	0,71	572,94	Ю. В. сл.	Обл. раз.	
4попол.	+13,0	+10,2	0,66	572,08	Ю. сл.	---	
9 веч.	+10,1	+ 8,9	0,83	572,12	Тихо.	Обл. мѣст.	
1-го Октября.							
7 утра.	+ 9,4	+ 8,4	0,86	571,85	С. оч. сл.	Обл. мѣст.	+7,6
12 полд.	+16,8	+12,2	0,54	571,08	---	Обл. на гор.	
4попол.	+18,2	+12,6	0,47	570,14	Ю. З. оч. сл.	---	
9 веч.	+12,8	+10,3	0,69	570,71	Тихо.	---	
2-го Октября.							
7 утра.	+ 8,8	+ 7,9	0,86	571,36	Тихо.	Ясно.	- 8,3
12 полд.	+16,1	+12,4	0,61	571,20	С. З. слаб.	Обл. на гориз.	
4попол.	+18,8	+13,2	0,48	570,80	С. оч. сл.	---	
9 веч.	+15,6	+12,6	0,67	572,09	С. сл.	---	

Дождя не было.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

ТИФЛИСЬ, 4 Октября 1850. Цензоръ А. Раевскій-Крестьяновъ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ О. Константиновъ

(*) *Вартъ* по-армянскъ, *Вардахъ* или *Вардежъ* по Татарски значить роза.

Не знаемъ, отъ чего дано такое наименованіе; вѣроятно отъ того, что тутъ растетъ шаповникъ.